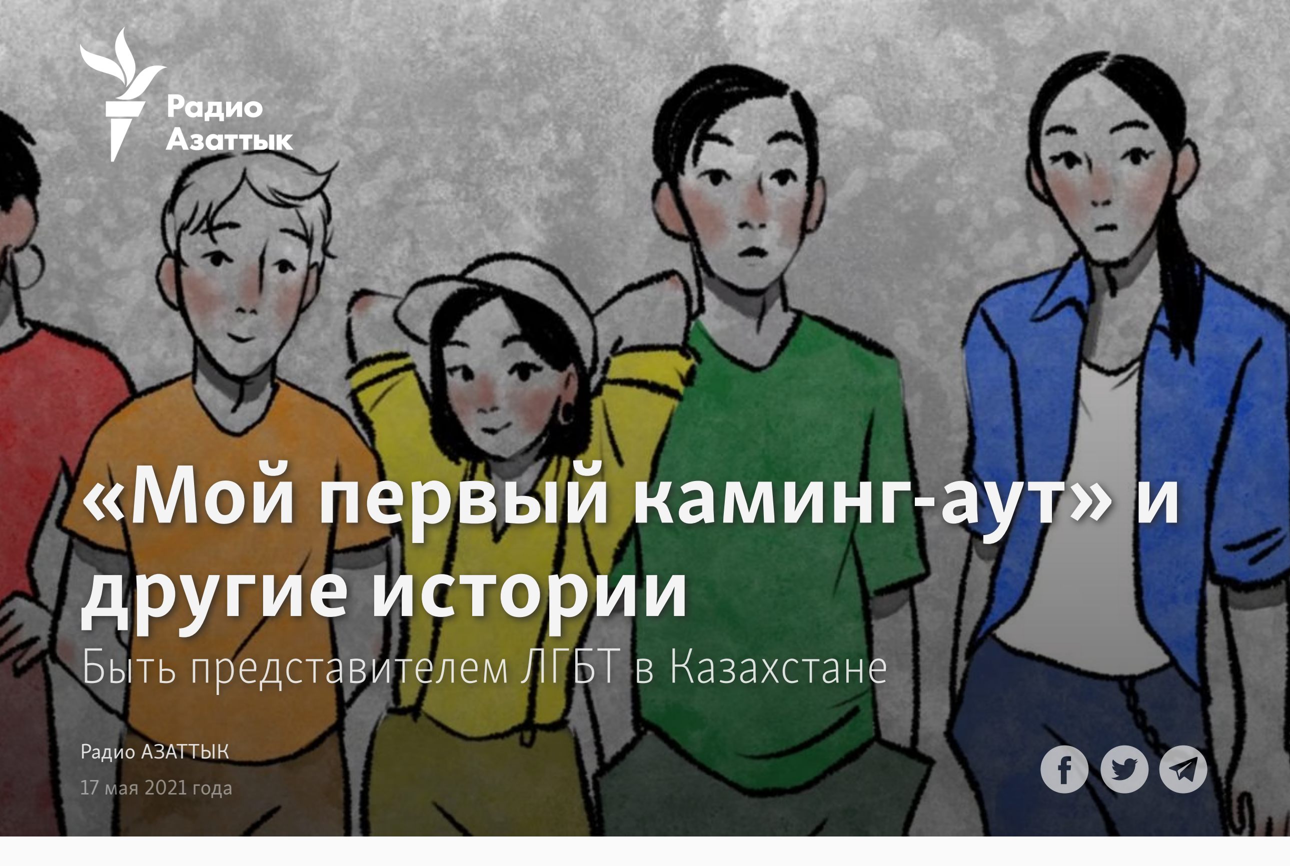


«Мой первый каминг-аут» и другие истории

Быть представителем ЛГБТ в Казахстане

Радио АЗАТТЫК
17 мая 2021 года

17 мая – Международный день против гомофобии, трансфобии и бифобии. Азаттык собрал истории представителей казахстанского ЛГБТ-сообщества о том, как они проходили путь принятия себя, как открывались другим и как живут сейчас.

«Папа сказал: "Если можешь жить с этим и не стесняться, значит, все правильно. Живи"

Жанна, 34 года

Я с раннего детства понимала, что мне нравятся девочки. Вообще, сложно этого не понять, когда они тебе нравятся. До шести лет я упорно называла себя Лёшей, хотя знала, что имя у меня другое - женское. Но мне казалось, что природа как-то ошиблась. Очень хотелось быть мальчиком. Но не потому, что быть девочкой плохо, а потому, что я была уверена - право любить женщин есть только у мальчиков. К слову, мои родители не боролись с моей игрой в Алёшу. Но у нас была договоренность: в школе так делать было нельзя. Так что, когда я пошла в школу, игра закончилась.

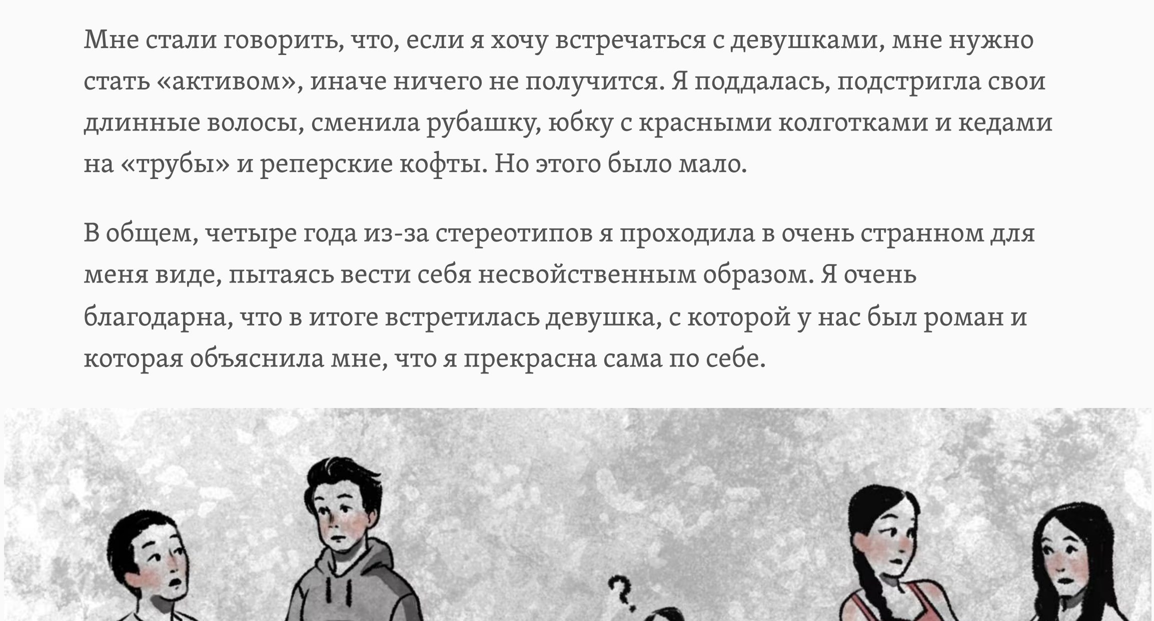
Со временем я смирилась: мне любить девочек нельзя, это неправильно. Я, пытаясь бороться с собой, начала отвечать мальчикам на ухаживания, строить отношения с ними.

В университете познакомилась с группой девушек-лесбиянок. Так начался очередной этап принятия. Было довольно странно понимать, что я не одна такая, что есть довольно много людей, которые живут и не скрывают своей сексуальной ориентации. Я поняла, что мне можно любить женщин. В первый же день я влюбилась в одну из представительниц этой тусовки. Чтобы видеть ее, иметь возможность общаться, я ходила в этот парк, где они собирались практически каждый день, и в итоге влилась в тусовку.

Это перевернуло мою жизнь. Были и негативные последствия: я бросила учебу, команду по волейболу, занятия английским, своих прежних друзей. А еще у этой тусовки были свои стигмы. Они были уверены, что лесбиянки делятся исключительно на «активов» и «пассивов». Причем, по их мнению, «актив» всегда должна выглядеть как пацан, «пассив» - юбки, макияж, соответствующее поведение. Я не относилась ни к одним, ни к другим и не вписывалась в эту систему отношений.

Мне стали говорить, что, если я хочу встречаться с девушками, мне нужно стать «активом», иначе ничего не получится. Я поддалась, подстригла свои длинные волосы, сменила рубашку, юбку с красными колготками и кедами на «трубы» и реперские кофты. Но этого было мало.

В общем, четыре года из-за стереотипов я проходила в очень странном для меня виде, пытаясь вести себя несвойственным образом. Я очень благодарна, что в итоге встретилась девушка, с которой у нас был роман и которая объяснила мне, что я прекрасна сама по себе.



Мои внешние перемены не остались незамеченными. Мама поначалу пыталась делать вид, что ничего не происходит, надеясь, видимо, что «пройдет». Но когда к ней пришло осознание, что процесс «необратим», она позвонила отцу.

Мои родители давно в разводе, но у меня всегда были прекрасные отношения с папой, его женой, моим братишкой. Мы одна семья, а папа - непреложный авторитет. Он приехал со мной поговорить. Я думала, это будет полный разнос и мне придется отстаивать свою точку зрения, стиль жизни, а я крайне редко перечила отцу.

Я рассказывала папе, как переживала от осознания, что мне нравятся женщины, как я боролась с этим. Он мне сказал: «Если ты сможешь жить с этим и не стесняться, значит, все правильно, живи. А мы тебя любим».

> После этого разговора я осмелела, мне хотелось кричать на каждом углу, что я лесбиянка. Можно сказать, я так и делала.

После этого разговора я осмелела, мне хотелось кричать на каждом углу, что я лесбиянка. Можно сказать, я так и делала. Через какое-то время стала понимать, что орать об этом не нужно. Выставлять свою личную жизнь напоказ для меня сейчас неприемлемо. Я не скрываюсь, но и не афиширую. И это не потому, что я боюсь буллинга. Просто у меня есть большие планы на будущее, и я не хочу, чтобы у меня возникли сложности в достижении цели.

Мы живем в Казахстане, и, на мой взгляд, у нас довольно толерантное общество. Просто его нужно уважать: здесь традиции, религия. Они примут со временем нас, но им нужно дать время. Я считаю: чем агрессивней ведут себя представители ЛГБТ-сообщества, тем меньше это все нравится большинству. Я понимаю, есть свои проблемы у трансгендеров, и я вообще сейчас не о них. Я про геев и лесбиянок: нам же никто не мешает жить вместе, отдыхать, путешествовать, работать. Есть проблемы с заключением браков, имущественными правами. Но, вы знаете, их можно закреплять иначе: договариваться, писать расписки, оформлять свои финансовые отношения. Но для этого нужно разговаривать, а именно это люди делать не хотят.

Чтобы быть геем или лесбиянкой, нужно иметь смелость. Но нужно еще быть специалистом, профессионалом, стремиться быть лучшим в той сфере, где ты работаешь. Я считаю: когда среди геев и лесбиянок будет больше образованных людей, желающих развиваться и становиться лучше во всех отраслях, тогда и общество будет более расположено и согласится признать нас. Но мне и сейчас нормально, я не чувствую, что меня ущемляют.

Я им сказала: «Бабушки, у меня грудь есть»

Бота, 30 лет

Я поняла, что девочки мне нравятся больше, в классе восьмом-девятом. К пацанам я тоже хорошо отношусь. Я «би», но в свои 30 лет понимаю, что девушки мне намного ближе.

Каминг-аут был совсем недавно. Я выставляла в своем instagram-сториз. Мои родные, в принципе, в курсе. На данный момент они воспринимают это абсолютно нормально. Мои самые близкие — это мама и бабушка. Остальные родственники, не знаю, как воспринимают, но их мнение не особо меня волнует.

> В Алматы легче. Никто не интересуется твоей личной жизнью, потому что каждый занят своей.

Некоторые подруги, родственники, когда узнали, сократили общение со мной. Есть те, кто вообще перестал общаться. Мне некоторые даже говорили: это временно, это пройдет. Я знаю, что это не временно, мне не 18 лет. И я с такими людьми перестала общаться сама.

Я уже пять лет работаю фотографом. Родилась и жила до 29 лет в Шымкенте.

Оттуда выезжала на заказы в Туркестан, в Кентау, в Шаульдер. Однажды в Кызылорде пыталась зайти в женский туалет, мне сказали: саған болмайды! (*каз.* «тебе нельзя!») Мол, иди в мужской. Местные бабушки накинулись на меня: еркек шора! (*каз.* «девочка, воспитанная родителями как мальчик»), почему ты здесь ходишь, тебе здесь не место!» Начали меня выгонять в прямом смысле. Я им сказала: «Бабушки, у меня грудь есть».

В Кентау мы однажды фотографировали свадьбу. Тогда агрессия была со стороны пьяного мужчины. Человек реально хотел на меня наброситься. Я сказала, что я просто фотограф. Но он начал меня опять-таки обзывать «еркек шора», говорить «не надо фотографировать нашу свадьбу» и так далее.

В Шымкенте однажды снимала свадьбу религиозных людей. Там пожилые женщины начали в меня кидать орехи — попали в голову, несколько пролетело мимо камеры моей. Из-за того, что я одета не как традиционно одевается женщина, они решили, что это "влияние шайтана". Тогда орешки в меня летели с девяти столов, за которыми сидели бабушки, — наверное, килограмма полтора выкинули в меня. У меня была такая обида на них. Потом мне объяснили, что, оказывается, я «обязана» была прийти в платье, вести себя как «истинная женщина» — все делать тихо, незаметно.

Но даже если я одевалась как женщина, все равно было прилюдное унижение: мол, тебе нравятся девушки. Косо смотрят, пальцем тычут. Поэтому приняла решение переехать в Алматы - тут легче. Никто не интересуется твоей личной жизнью, потому что каждый занят своей.

«Дядя угрожал изнасиловать, чтобы "вправить мозги"»

Ноа, 22 года

Мне всегда больше нравились девушки: изящные, красивые, аккуратные. На фоне мужчин они всегда были истинным чудом для меня.

Сначала мне казалось: чтобы быть с девочками, надо быть мальчиком. Потом, когда тело начало меняться со взрослением, пришло понимание, что оно невыносимо: бедра, грудь... - жуткий стыд и непринятие. Тяжелее всего было давление семьи, постоянное напоминание о моей половой принадлежности, запреты делать одно и наказы не делать другое.

Я вполне симпатичная девушка со всеми шансами на удачную социализацию именно как женщина. Но это не то, что мне нужно. Это вопрос именно душевного спокойствия: воспринимать себя иначе мне никогда не удавалось. Мне нравится и привычно то, что приписывают мужчинам. Это также не значит, что мне «нужны» мужские половые органы. Это скорее вопрос комфорта в собственном теле.

Есть люди, которые худеют, потому что им так комфортнее, а есть такие, как я. Жить в гармонии со своим телом - это нормально. Даже если это предполагает изменения. Почему-то мало кто осуждает стремление похудеть, порой нездоровое. Или стремление набрать массу, которое тоже нередко предполагает использование различных веществ, тяжелых для организма. Есть люди, которые вставляют импланты. Но при этом многие оправдывают трансфобию тем, что это «членовредительство». А это не так. Намного хуже, если ничего не делать по этому поводу. Можно дойти до суицида.

У меня были такие мысли. Потом я создал себе страничку в Сети. Мужскую. Это была свобода. Тогда я впервые почувствовал комфорт. Шанса представляться мужчиной в реальной жизни ещё не было. Когда он появился, стало легче. Я учился на художника. В этой среде меня поняли, обращались в верном роде. Повезло, в общем. Теперь я стараюсь сразу говорить о своей идентификации и поправлять людей. Конечно, не все одобряют. Многие не понимают, злятся. Большинство моих родственников, конечно, с этим не согласны. Мать называет правильно, но, тем не менее, дает мне понять, что это всё ещё проблема.

После каминг-аута мама не разговаривала со мной целый год. До сих пор она пытается давить и не принимает меня. Дядя угрожал изнасиловать, чтобы «вправить мозги». Бабушка постоянно устраивала истерики, а тетя звала «больным человеком» и угрожала.

Были проблемы во время учебы - в колледже меня отправляли к психологу, в вузе нашелся чувак, который решил набрать группу людей, чтобы меня избить. Время от времени поступают угрозы.

> Есть люди, которые вставляют импланты. Но при этом многие оправдывают трансфобию тем, что это «членовредительство».

К сожалению, много сексистов, в том числе среди феминисток. Это движение называется TERF (trans-exclusionary radical feminist – феминистки, придерживающиеся трансфобных взглядов). Они считают, что я, из-за своей идентификации, не имею права быть связанным с сообществом.

В свое время я пришел в одну из групп поддержки [ЛГБТИК+]: скорее из интереса, чем с серьезными намерениями. А потом меня зацепило. Когда я увидел пост о наборе волонтеров, сразу откликнулся. Я хочу что-то делать не потому, что мне некуда девать время. Просто у меня остро развитое чувство справедливости с самого детства.

«На работе я веду себя как "подобает" мужчине»

Александр, 37 лет

Свою непохожесть я начал ощущать рано — еще в детском саду. Например, я не понимал, почему должен играть с мальчиками в неинтересные для меня «войнушки», а не наряжать кукол и обустраивать домики с девочками. Для себя я тогда я выбрал такую тактику — сидеть, молчать, наблюдать. Я не играл ни с кем и просто ждал, когда можно будет пойти домой.

Хуже стало в школе, когда приходилось слышать в свой адрес уже осуждение. Каждый день был испытанием: выйти из дома за три минуты до звонка, пройти определенным маршрутом, чтобы встречать как можно меньше людей, пройти толпу хулиганов на крыльце школы — они обязательно начинали говорить мне «гомик», «о, педик пришел», «как дела, гей?». Затем по коридорам и в класс. И так каждый день все 10 лет.

Учился я, как ни странно, хорошо. Пропускал школу только по болезням, которых было много. Классе в седьмом у меня отказали ноги. Сейчас я понимаю, что это была реакция организма, нужна была помощь неврологов, психологов, но тогда родители растирали мне ноги мазью и не беспокоились.

> Он не выдержал: оставил под подушкой подарок для мамы, ушел из дома и повесился. Я, наверное, мог ему помочь.

Родителей вообще многое не беспокоило. Например, то, что я по дому мог ходить в платьях и маминых туфлях. Они воспринимали это как игру и блажь. Даже папа, который был «настоящим мужиком» — рыбак, охотник, любимец женщин, авторитет на заводе, — не реагировал.

В среднем звене школы я понял, что мне тяжело жить, меня все тяготит. Примерно тогда у меня стала проявляться клиническая депрессия, которую я не могу вылечить до сих пор. Однажды я оставил на своем рабочем столе листок, полностью исписанный фразой «Я хочу умереть». Специально положил так, чтобы увидела мама. Она его нашла и сказала: «Чтобы я больше такого не видела!»

Свой первый каминг-аут я совершил сразу после школьного выпускного, рассказал двум подругам. После признания я чувствовал себя таким счастливым, как будто груз, который я нес за плечами столько лет, вдруг стал легче. В тот же день я признался маме. Она долго рыдала, сокрушалась, что ничего так долго не замечала. Позже признался отцу. Несмотря на то, что он очень суровый и брутальный, он принял все как есть. Тоже долго плакал и обнимал меня. После я рассказал своей сестре, ее семье, близким друзьям.

Самый страшный случай проявления депрессии был у меня после неудавшихся первых отношений. Тогда еще не было соцсетей и сайтов знакомств. В одной из местных я нашел объявление, что мужчина ищет себе друга. Позвонил, оказалось, что это сваха. Она стала меня отговаривать, сказала, что этот мужчина уже не раз обращался к ней, что он в возрасте, опытный. Мне на тот момент было 20. Но я все же встретился с ним. Мужчина был женат, у него были дети. Тогда я уже окончил медколледж и начал работать. Лечил его маму, детей, жену, был вхож в его дом. Но однажды он сообщил, что мы должны расстаться. Я впал в жуткое состояние. Не ел, не пил, не спал, похудел на 20 килограммов и в таком состоянии защищал диплом в соседней стране.

На работе я веду себя как «подобает» мужчине: нет никаких намеков на то, что я двигаюсь или говорю как-то «не по-мужски». Еще в детстве я отточил каждое движение, каждый жест, интонации, чтобы не отличаться от других мальчишек.

Вспоминаю случай на работе. Коллегу, когда родные узнали о его ориентации, заперли в доме и позвали муллу. Тот провел обряд по изгнанию злых духов. После этого тут же, в соседней комнате, брат коллеги сильно его избил. Он не выдержал: оставил под подушкой подарок для мамы, ушел из дома и повесился. Я, наверное, мог ему помочь. Ведь я видел, что он «не как все»...

Иллюстрации - Shapalaque
Редактор - Айя Рено

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

«Изгнание демона», или Кадры из жизни трансгендерной женщины в Казахстане

Это история трансгендерной женщины из Казахстана, которая уже полтора года официально состоит в браке с другой женщиной. Все это время пара притворяется гетеросексуальной. Герои в ближайшем будущем не планируют каминг-аут - их имена полностью изменены.

Виктория Рай: «Слову "толерантность" я предпочитаю "человечность"»

20 ноября в мире отмечается День памяти трансгендерных людей, погибших насильственной смертью, чтобы тех, кто был убит на почве трансфобии. Это - беседа о судьбе трансгендеров в Казахстане.

Изгнание джинов и операция на мозг: история гея из Уральска

Каминг-аут – добровольное признание в нетрадиционной ориентации – стал для 28-летнего Бекзата Мукашева началом череды происшествий, которые закончились принудительной операцией на мозге и бегством от родных.

ПОДЕЛИТЬСЯ

Азаттык - Казахская редакция Радио «Свободная Европа»/Радио «Свобода». Не зависит от любой политической партии, правящей или оппозиционной, эмигрантских сообществ, коммерческих компаний и других специфических организаций, а также религиозных организаций. Мы не поддерживаем и не пропагандируем какие-либо специфические политические, экономические или религиозные взгляды.

© 2021 RFE/RL, Inc. | Все права защищены.

На стартовую